

Мы опустим вторую часть этого послания: в ней сентиментальный поэт передает свои чувства, связанные с впечатлениями природы, с горными облаками и нежным теплым ветром родины. Приведем лишь последние строки:

Agnosco patriam, gaudensque saluto:
Salve, pulchra parens, terrarum gloria salve!

Остановимся на первой части, где родина описана во всех ее красотах. Как сказал один из последних исследователей, «поэт приветствует здесь Италию всех эпох, и римскую, и ему современную, зная все слабости и несчастья последней. Не надо его обвинять в преувеличениях, ибо он воодушевлен чувством, а искренность сердца допускает преувеличения ума».¹⁸

Сравнивая это послание с русским отрывком, мы найдем ряд любопытных совпадений. Оба гимна (можно их так назвать) начинаются с прямого обращения к родине: «Привет, дорогая богу, святая земля» — «О светло-светлая... земля». Мысль Петрарки о том, что его родина свята и близка к богу, выражена у русского поэта дальше, в словах: «о правдивая вера христианская... все покорено было богом крестьянскому языку». Это зародыш идеи «святой Руси», «земли свято-русской», столь близкой фонетически и семантически понятию «светло-русской земли».¹⁹ Петрарка говорит, что его родина «защита для добрых, грозна для гордых». Для русского поэта его родина полна «князьями грозными, боярами честными». Петрарка восхваляет Италию, как «плодороднейшую и прекраснейшую»: та же мысль выражена еще подробнее в русском гимне, в перечислении «дивных полей» и виноградников, бесчисленных птиц и зверей, прекрасных городов и сел. Петрарка говорит: «опоясанная двумя морями (двойным морем)»; русский поэт называет два моря как границы своей родины, а в тексте «Родословца» сказано прямо «от моря и до моря». У Петрарки родина «прекрасная знаменитыми горами»; русский поэт говорит с некоторым преувеличением: «удивлена... горами крутыми, холмы высокими». Вспоминая далекую славу римских легионов и римского права, Петрарка говорит: «почтенная своим оружием и законами». Русский поэт подробно говорит о военной славе Владимира Мономаха и мог бы упомянуть его законы в «Русской Правде». «Жилище Пиэрид» (т. е. муз) не нашло точной параллели в русском гимне, но он называет культурные центры — «дома церковные» и монастырские «обители». Петрарка повторяет: «богатая золотом и мужами»; русский поэт восхищен «великими городами, селы дивными... вельможами многими». Он мог бы упомянуть и «русское золото», известное «Слову о полку Игореве» и французскому эпосу XII в.,²⁰ но говорит в общих словах: «Всего еси исполнена, земля Русская». Петрарка заканчивает: «искусство и природа возвеличили тебя и сделали наставницей всего мира». У русского поэта его родина, просвещенная светом христианской культуры, подчиняет себе все «поганские страны».

Конечно, произведенное нами сравнение не дает возможности утверждать, что Петрарка вдохновился «Словом о погибели» или что, наоборот, «Слово о погибели» лишь подделка Х. М. Лопарева, знакомого по лекциям

¹⁸ Henri de Ziegler. Pétrarque. Genève, 1940, стр. 132.

¹⁹ Об этой связи между понятиями «светло-русской» и «свято-русской» земли мы писали недавно в статье: А. В. Soloviev. Helles Russland — Heiliges Russland. — Festschrift für Dmytro Cyževskij zum 60. Geburtstag, Berlin, 1954 (= Slavistische Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin, Bd. 6), стр. 282—289.

²⁰ «Ne le ferai pour tout l'or de Rousie» и т. д. (G. Lozinsky. La Russie dans la poésie française du Moyen Age. — Revue des Etudes Slaves, IX. Paris, 1929).